

СЕКЦИЯ № 6. Актуальные проблемы романистики и лингводидактики

*(кафедра французской филологии и межкультурной
коммуникации Института романо-германских языков,
информационных и гуманитарных технологий)*

А.В. Алферов, Г.Е. Попова

Парламентские дебаты: делиберативность или критическая дискуссия?

Делиберативный процесс понимается широко — как дискуссия, процесс обсуждения (обдумывания) разных точек зрения. Принятое в политологии специальное (узкое) понятие «делиберативная демократия» [7] противопоставляется представительской, т.е. парламентской, демократии и вызывает противоречивые оценки.

Коммуникативные, когнитивные и лингвопрагматические *механизмы делиберации* (диалога) прототипичны. Они заложены в природе человеческого общения, в принципе кооперативности [9], и шире – в когнитивной эмпатии, в коллективном мышлении и кооперативной *коллективной* интенциональности [1]. Консенсус можно рассматривать как персональное (внутреннее) решение каждого участника делиберации и как общее (внешнее) коллективное соглашение. Поэтому под *внутренним консенсусом* мы понимаем *осознание* и решение индивидуумом проблемной ситуации, и, как следствие, получение нового выводного (конклюзивного) *знания*, на основе которого *решение* декларируется для осуществления дальнейшей деятельности.

Парламентский дискурс (ПД) – один из главных социально-политических институциональных дискурсов общества, который, помимо политической борьбы противостоящих партий, олицетворяет делиберативный процесс в политике, является проявлением конкурентной диалогической кооперативности [4] и коммуникативной институциональности [8] в политической коммуникации.

Основными характеристиками ПД являются, с одной стороны, аргументативная и риторическая персуазивность [6], а с другой, – конклюзивность, то есть законотворческая целенаправленность и завершенность, проявляющаяся в выработке законодательного текста [5]. Суть парламентской коммуникации состоит в решении социо-политических задач посредством обсуждения и *принятия решения*, имеющего зако-

нодательное, государственно-управленческое и общественно-политическое значение. Поэтому цель критической дискуссии в парламенте – «убедить противоположную сторону в своей правоте» – сопровождается делиберативной дискуссией в целях оптимального для всех решения, предполагающего компромисс, консенсус.

Под *внешним консенсусом* мы подразумеваем ту когнитивно-аналитическую базу, которая возникает в результате коллективного обсуждения и решения общей проблемной ситуации. Такая база формируется в ходе аргументативного обмена и составляет основу конклюдзивного текста, имеющего законодательный статус. В дальнейшем такого рода декларации (законы) являются фундаментом *общего социального консенсуса* – гарантией стабильности в обществе. Суть парламентской делиберативности заключается в том, что во внешний консенсус включаются и все избиратели (гражданское общество), от имени которых действуют парламентарии. Поэтому чем меньше процент оставшихся вне поля консенсуса, тем более устойчивой является общественно-политическая ситуация. В этом состоит политическая релевантность парламентского консенсуса.

Отсюда следует, что одним из главных условий реализации *эффективности парламентской коммуникации* должен быть когнитивно-коммуникативный *поиск* коллективного и индивидуального **консенсуса** как основы принятия того или иного решения в ходе парламентской деятельности. Природа консенсуса такова, что получение конклюдзивного знания должно иметь как для индивидуума, так и для общественно-политического института когнитивно-прагматическое основание, отвечать внутренним и внешним потребностям, удовлетворять требованиям истинности, полезности, справедливости и т.д.

Процесс достижения внутреннего и внешнего консенсуса строится на основе когнитивно-прагматического **механизма релевантности**.

Прагма-когнитивная Теория релевантности (ТР) – от истоков [10] превращается в методологический инструмент зарубежной социолингвистической науки.

В самом общем, семиотическом значении под релевантностью мы понимаем *значимость* элемента или уровня структуры плана содержания и/или плана выражения для функционирования всей когнитивно-семиотической системы [2]. Релевантность как релятивная категория зависит от структурного и/или функционального контекста (ко-текстной дистрибуции и/или употребления в ситуации). Прагма-когнитивный подход тесно связывает релевантность с «вычислительными» (computational) способностями интеллекта и включает в себя интерсубъективное,

интеракциональное измерение.

В парламентской когнитивно-деятельностной формации *согласие* объединяет два эпистемических начала, два операциональных знания – *делиберативное* и *волитивное*. *Делиберативное* знание связано с понятием консенсуса – внешней договоренности в институциональном коллективе на основе внутреннего согласия отдельных субъектов. *Волитивное* знание связано с понятием институционального принуждения («когнитивного насилия» [3] и представляет собой знание (осо-знание, при-знание) конвенциональной необходимости (партийная, групповая принадлежность и т.д.). В менее политизированной дискуссии (научный, технический анализ) превалирует убедительность (*credibility*) и обоснование (*justification*), в политике же господствует *персуазивность* как интеллектуально-волитивное воздействие.

За единицу анализа интер-индивидуальной и коллективной когниции (*common knowledge, common ground*) принимается *пропозиция*, имеющая главным своим дискурсивным коррелятом высказывание-речевой акт. И за высказыванием – материальным воплощением пропозиции – кроются различные измерения: денотативно-референтное, логико-инференциальное, аргументативное, и др.

Л.В. Правикова выделяет три типа пропозиций, постоянно присутствующих в ментальном пространстве парламентской интеракции, – *пропозицию факта, пропозицию ценности и пропозицию политического курса* [6]. Такое понимание парламентской пропозиции носит метауровневый характер, так как, независимо от предмета обсуждения, то или иное содержание (тема, повестка) должно рассматриваться именно в этих когнитивных перспективах. Ингерентной чертой метапропозиций является то, что каждая из них имеет потенциальный оператор отрицания, то есть может рассматриваться с разных точек зрения и иметь субъективно-амбивалентную интерпретацию с тем, «чтобы ее можно было обсудить, используя аргументы “за” и “против”» [6: 362].

Следующий уровень когнитивной интеракции парламентской коммуникации представлен противонаправленными макропропозициями (МП), или – в терминах риторики – тезисами, которые вступают в делиберативно-аргументативное взаимодействие.

Макропропозиция референтно соотносится с утверждением или фактом. Это фактуально-событийная сторона предмета, условная тема обсуждения («Пенсионная реформа», «Налоги на топливо» и т.д.). На макропропозицию накладываются отмеченные выше метапропозиции: *метапропозиция фактуальности* (проблемности, истинности) – обоснование актуальности обсуждаемой макропропозиции; *метапропози-*

ция ценности – обращение к морально-нравственным аспектам обсуждаемой проблемы; и *метапропозиция политического курса* – рассмотрение вопроса с позиций партийности и/или в интересах государства и избирателя как «институционального клиента» парламентского дискурса.

Обсуждаемая на заседании парламента проблемная макропропозиция (например: «Принять / не принять закон о пенсионной реформе») состоит из двух базовых (профилирующих) пропозиций, одна из которых «Реформа необходима», другая – «Реформа губительна». Базовая, или профилирующая пропозиция имеет свои про- и контраргументы в виде *микропропозиций* – аргументов – суждений и высказываний субъектов делиберативного процесса. Таким образом, пропозициональную структуру делиберативности можно представить в следующей таблице:

МЕТАПРОПОЗИЦИИ	Фактуальность, оценочность, необходимость
Макропропозиция	Выдвигаемый для обсуждения тезис
Базовые (профилирующие) пропозиции	Пропозиции принятия решения (ЗА/ПРОТИВ)
Микропропозиции	Аргументы, обоснования, импозиции

Таблица. Пропозициональная структура делиберации

Совокупность метапропозиций – основных ипостасей проблемы, выдвинутой на обсуждение, – дает *интенциональное основание* для оценки **релевантности** МП и *принятия решения* каждым участником делиберативной интеракции. Словесно представленная экспликация такого интенционального основания традиционно называется *аргументацией*. В когнитивной схеме *аргументы* представляют собой варианты слотов для конструирования релевантного (рационально выводимого) конклюдзивного фрейма.

Изначальная субъективность категории релевантности объективируется интересубъективностью процесса обсуждения, получением совокупной и конклюдзивной (выводной) релевантности. Для эффективности законодательного процесса декларативному решению предшествует экспертный анализ проблемы, работа в парламентских группах и комиссиях, механизм поправок к закону и другие виды делиберативности.

Другими словами, решается вопрос о *релевантности* микропропозиций в контексте макропропозиции, т.е. о мере соответствия микро-

пропозиций мета-пропозициям – *фактуальной (истинностной), ценностной (морально-нравственной) и партийной (политической)*. При этом в процессе принятия решения происходит и обратный процесс – от вербализации к концептуализации, т.е. к формированию *конклюдивной макропропозиции* как когнитивно-дискурсивного коррелята принимаемого решения.

Библиографический список

1. Алимурадов О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 544 с.
2. Алферов А.В. Релевантность высказывания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 1. С. 54-59.
3. Алферов А.В. Когнитивное пространство интеракционного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 3-4. С. 106-108.
4. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 77-79.
5. Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Европейский парламентский дискурс: стратегия исследования // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 1. С. 91-94.
6. Правикова Л.В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 359-362.
7. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 419 с.
8. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 540 с.
9. Grice H.P. *Logique et conversation* // *Communications*. 30. P.: Seuil, 1979. P. 57-72.
10. Sperber D., Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. P.: Minit, 1989. 267 p.